

УДК 821.111

РОМАН Г. МАЙРИНКА „ГОЛЕМ” И ГОТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Сергій Олександрович Тузков

tuzkoff@mail.ru

*Доктор філологічних наук, доцент, завідувач кафедри
Кафедра англійської філології*

*Миколаївський національний університет ім. В. О. Сухомлинського
Вул. Нікольська, 24, 54030, м. Миколаїв, Україна*

Анотація. Поданий аналіз роману Г. Майрінка „Голем” крізь призму готичної традиції в літературі. Зазначається, що при організації оповіді автор роману використовує не тільки готичний хронотоп, але й такі елементи готичного інваріанта, як мотиви таємниці та жаху, гри, року, рукопису, привида тощо. Система персонажів роману „Голем”, у свою чергу, співвідноситься з образами готичного роману: головні герої проходять ряд випробувань, перш ніж у фіналі роману знаходять щастя в ідеальному коханні; готичний злодій втілює цілковите зло і зазнає неминучого покарання; привид, як двійник героя, вказує на прозорість (примарність) межі між двома світами – реальним та інфернальним. Аналіз роману Г. Майрінка „Голем” переконує, що форма готичного роману в літературі ХХ століття зберегла свою актуальність і продуктивність.

Ключові слова: Г. Майрінк, готична традиція, готичний інваріант, система персонажів, реальне, інфернальне.

Судьба роману Г. Майрінка „Голем” по-своєму унікальна. Вслід за ошеломляючим успіхом книги в 10-е годы ХХ века (он был переведен практически на все европейские языки, неоднократно экранизировался) последовали почти полувековое – вплоть до 1960-х годов – забвение и полумистическое „возрождение из пепла”: сегодня книга Г. Майрінка воспринимается как шедевр литературного экспрессионизма, она ежегодно переиздается массовыми тиражами, привлекая внимание не только читателей, но и литературоведов. Исследователи литературы, как правило, акцентируют свое внимание на тех аспектах романа „Голем”, которые так или иначе связаны с интересом Г. Майрінка к оккультным наукам, алхимии, учениям буддизма и Каббалы [2; 3; 4;

5; 6]. Значение этих аспектов для аутентичного восприятия текста Г. Майринка не подлежит сомнению. Однако не менее важную роль в организации повествования романа „Голем” играют элементы, отсылающие к готической традиции в литературе. Данный аспект поэтики Г. Майринка в многочисленных исследованиях литературоведов – за редким исключением – не учитывается. В нашей статье предпринята попытка хотя бы частично восполнить этот пробел.

Цель нашего исследования рассмотреть поэтику романа Г. Майринка „Голем” сквозь призму готической традиции в литературе.

Готический инвариант сложился в литературе XVIII века – в период предромантизма – в творчестве таких писателей, как Г. Уолполл, А. Радклифф, К. Льюис etc. Напряженный сюжет романа Г. Майринка „Голем” включает в себя ключевые для готической литературы мотивы тайны и ужаса. Каждое событие романа, все основные персонажи (Пернат, Вассертрум, Гиллель, Мириам, Ангелина, Харусек и др.) в той или иной степени связаны с развитием этих мотивов. Сюжет имеет кольцевую композицию: I и заключительная (XX) главы романа соотносятся друг с другом, – здесь повествование разворачивается в ином, чем в основной части романа времени, хотя и в том же (пусть видоизмененном!) пространстве. Это дает возможность автору романа отчасти мистифицировать читателя, который до заключительной главы повествования не догадывается о „сдвиге” времен. Как, впрочем, и о том, что в романе не один, а два главных героя – Пернат и лже-Пернат. Таким образом, мотив тайны Г. Майринк вводит в повествование с первых же страниц своего романа. В данном случае этот мотив оказывается непосредственно связан с игровым началом, которое, в свою очередь, можно рассматривать как один из элементов готического инварианта, на что неоднократно указывалось в исследовательской литературе, в том числе и нами [7].

Очень своеобразно в романе „Голем” обыгрывается традиционный для готической литературы мотив рукописи. В сущности, роль рукописи у Г. Майринка играют „воспоминания” лже-Перната о событиях 33-летней давности, связанных с жизнью собственно Перната. Именно эти события, переданные сквозь призму восприятия лже-Перната, стремящегося проникнуть в тайну своего прошлого, и составляют фабулу романа „Голем”. Своеобразной прелюдией к основной части повествования является

первая глава („Сон”), которая содержит неприкрытую аллюзию к учению буддизма. Время от времени, выходя из „сумерек полусна” („*Я не сплю и не бодрствую, и в полусне в моём сознании смешивается пережитое с прочитанным и слышанным...*” [1, с. 16]), герой безрезультатно пытается освободиться от навязчиво возникающего в его сознании образа „камня, который походил на кусок сала” (лейтмотивный образ в художественной структуре романа Г. Майринка, с одной стороны, восходящий к жизнеописанию Будды, а с другой стороны, символизирующий цель, к которой стремились алхимики – ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ): „... образ камня, походившего на кусок сала, вырастает в моём мозгу неимоверно: я ступаю по руслу высохшей реки и собираю гладкие камешки” [1, с. 16–17, 20]). Сознание героя покидает его тело и с этого момента он начинает ощущать себя лже-Пернатом, пытаясь раскрыть тайну своего прошлого (гл. II + XIX). Отметим, что – в полном соответствии с готической традицией – истинная сущность героя-повествователя раскрывается только в заключительной главе романа во время встречи лже-Перната и Перната близ „Стены у последнего фонаря”: „*Атанасиус Пернат медленно поворачивается ко мне, и у меня замирает сердце. Мне чудится, будто я стою перед зеркалом, так похоже его лицо на моё собственное...*” [1, с. 547].

Действие романа „Голем” происходит в Праге в начале XX века, но художественное пространство ограничивается еврейским кварталом (собственно, Петушьей улицей), где проживают герои произведения. Роль готического замка в романе Г. Майринка играет окутанное тайной здание на Старосинагогальной улице („... было твёрдо установлено, что в этом доме действительно существует комната с решетчатыми окнами и отсутствием входа, через который можно было бы в неё попасть” [1, с. 94–95]), – именно в этом доме, в таинственной комнате без дверей, по преданию, скрывается мифический Голем, который каждые тридцать три года появляется на улицах еврейского квартала, распространяя „ужас, не находящий ни оправдания, ни объяснения” [1, с. 93]. Соответственно, Голему в художественной структуре романа Г. Майринка отводится роль призрака, без которого немислимо ни одно готическое произведение. В ролях готической героини и „псевдо-готической” героини предстают, соответственно, Мириам, дочь Гиллея, и Ангелина, дама из высшего света, любовь к которой становится одним из испытаний для Перната на пути к

инициации, посвящению (в дзен-буддизме – сатори). Роль готического злодея играет старьёвщик Вассертрум, личность поистине демоническая; *„Отвратительное неподвижное лицо, с круглыми рыбьими глазами и отвислой заячьей губой. Он показался мне пауком среди людей...”* [1, с. 26].

Весь событийный ряд романа, в сущности, сводится к противостоянию Перната, делающего всё от него зависящее, чтобы спасти честь и жизнь Анжелины, в которую, как со временем выясняется, он некогда был влюблён, что сыграло роковую роль в его судьбе (мотив рока – ещё один элемент готического инварианта) – и Вассертрума, с маниакальной настойчивостью преследующего доктора Савиоли, любовника Анжелины, который, как ошибочно предполагает старьёвщик, стал виновником смерти (самоубийства) его сына, доктора Вассори. В это противостояние в той или иной степени оказываются втянуты практически все действующие лица романа, вплоть до эпизодических персонажей.

Следует отметить, что все события романа (обнаружение чужой шляпы [гл. II], визит Голема, который приносит таинственную книгу [гл. III], разговор с Харусеком о Вассертруме [гл. IV], рассказы Цваха о Големе [гл. V] и докторе Гульберте [гл. VI], духовная связь с Гиллелем [гл. VII], свидание с Анжелиной [гл. VIII], „преображение” в Голема [гл. IX] и т. д.) в сознании героя-повествователя приобретают мистическое значение. Иррациональность происходящего (*„Я чувствовал здесь явления непостижимые...”* [1, с. 113]), постепенное осознание героем-повествователем самого себя в качестве Голема (*„Странная связь становилась для меня все яснее и яснее и заключала в себе нечто невыразимо пугающее...”* [1, с. 113]) внушают ему чувство страха, которое со временем усиливается и – поскольку постоянно (сознательно!) нагнетается в повествовании – передается читателю. Таким образом, мотив страха в романе Г. Майринка приобретает суггестивный характер – все элементы повествования способствуют тому, чтобы читатель бессознательно окунулся в атмосферу тайны и ужаса (краеугольный камень готической литературы).

Центральное место в повествовании, разумеется, отводится заглавному образу Голема. В романе он появляется в разных ипостасях:

– прежде всего как мифический персонаж, – искусственный человек, глиняный истукан, приводимый к жизни с помощью

магии: он материализуется в образе безликого посетителя Перната, который приносит таинственную книгу [гл. III];

– затем как герой легенды в пересказе Цваха, – незнакомец, каждые 33 года появляющийся на улицах еврейского квартала Праги: он материализуется в образе самого Перната [гл. IX].

Мифический Голем был обречен на бессознательное существование. Опираясь на учение Каббалы, его для выполнения тяжелых работ создал пражский раввин. Голем оживал, когда ему в рот вкладывали магическую тетраграмму, – а когда ее вынимали, становился глиняным истуканом. Основная особенность Голема – в его немоте, которой противостоит Слово, позволяющее человеку достичь духовного совершенства. В каббалистической традиции Голем символизирует бездуховное, материальное начало.

Не менее значимой фигурой в романе является старьевщик Вассертрум. Оставаясь в тени, Вассертрум в то же время всегда находится в центре событий, – его лоток виден из всех окон дома, в котором проживает Пернат, что становится символом незримого присутствия Вассертрума в жизни всех и вся. Несмотря на то, что даже внешний облик Вассертрума (заячья губа, рыбы глаза – „животные” эпитеты только усугубляют чувство неприязни к нему) внушает ужас тем, кто непосредственно сталкивается с ним (за исключением Гиллеля), поведение Вассертрума поначалу не выдает его злобной натуры. Напротив, Вассертруму за внешним безразличием удается скрывать свои истинные намерения, свою сущность. Характерно, что для Перната огромным потрясением становится известие о том, что этому с виду бедному старьевщику принадлежит почти треть еврейского квартала: *„У меня захватило дыхание: Аарон Вассертрум! Старьевщик Аарон Вассертрум – миллионер?!”* [1, с. 62]. Именно несоответствие внешнего и внутреннего, видимого и скрытого всецело характеризует Вассертрума, что, наряду с ярко выраженной демонической природой этого образа (*„Вассертрум один из тех людей, чьи глаза способны видеть сквозь стены...”* [1, с. 65]), позволяет рассматривать его в одном ряду с классическими готическими злодеями, которых отличает попытка скрыть свою „дьявольскую” сущность за маской добродетели.

Наиболее полно Вассертрума характеризует Харусек (гл. XI), – в том, насколько точна эта характеристика, Пернат получает возможность убедиться, когда Вассертрум решает посетить его (гл. XIII): *„Никогда еще не видал я этого человека в такой*

непосредственной близости...” [1, с. 313]. Эта сцена становится центральной в противоборстве героев, – здесь автор постоянно подчеркивает двойственность (скрытность!) Вассертрума: *„В его лице и в каждом движении его сквозила глубокая враждебность, которую он напрасно старался скрыть...”* [1, с. 312]; *„С усилием подавил он в себе выражение ненависти...”* [1, с. 313]; *„Вернувшись, я заметил, что он изменился в лице...”* [1, с. 318] и т. п. Впервые на страницах романа Пернат и Вассертрум вступают в открытый поединок. Их враждебное отношение друг к другу поначалу (пока разговор касается только часов, которые Вассертрум принес в ремонт) проявляется, казалось бы, в мелочах (нежелание заговорить первым, смотреть в глаза друг другу и т. п.), но затем (когда речь заходит об Ангелине) герои перестают скрывать свои чувства. Грубость Вассертрума (*„– Эта стерва, конечно, велела вам притвориться, что вы ничего не знаете? А? – выпалил он вдруг без всякого предисловия, ударив кулаком по столу”* [1, с. 319]) вызывает ответную реакцию Перната: *„Я взбесился, схватил негодяя за грудь и начал трясти его: Если вы скажете еще хоть одно слово в таком роде, я вам ребра переломаяю! Поняли?”* [1, с. 320].

Маски сорваны. Вассертрум перестает скрывать свое намерение убить доктора Савиоли, – более того, прощаясь, он грозит уничтожить вместе с доктором Савиоли и Перната, и Ангелину: *„– Т е п е р ь я... в а м... в с е м у с т р о ю... – он сделал жест удушения, – в и с е л и ц у”* [1, с. 323] (разрядка автора. – С. Т.). В свою очередь, у Перната возникает мысль здесь же, сейчас же убить Вассертрума лежащим на столе напильником, и только неожиданное появление Гиллея мешает ему осуществить это намерение. Любопытно, что незадолго до этого, едва войдя в комнату Перната, Вассертрум спонтанно дотронулся рукой до этого напильника и, как бы предчувствуя свою судьбу (мотив рока – именно этим напильником его убьет Лойза), *„стремительно отдернул от него свои пальцы, точно укушенный змеей”* [1, с. 314].

В этой сцене обыгрывается еще одна знаковая деталь – часы убитого Цоттманна, которые Вассертрум отдает Пернату в ремонт: на самом деле он пытается с помощью неприкрытой лести заручиться поддержкой Перната, чтобы беспрепятственно расправиться с ненавистными ему доктором Савиоли и Ангелиной. Убедившись, что его план не сработал, Вассертрум в грубой форме требует вернуть ему часы. Но данным эпизодом роль часов в романе не исчерпывается, – в ходе повествования эта сцена

получает продолжение (гл. XV): Вассертрум вновь приносит часы Пернату, но теперь уже – в подарок! Он делает вид, что раскаивается в своих намерениях. В свою очередь, Пернат выражает готовность вступить в эту игру (*„Это радует меня... жизнь и так слишком печальна, зачем еще отравлять ее ненавистью”* [1, с. 384] и принимает подарок, что в тот же день влечет за собой его арест и заключение в тюрьму по обвинению в убийстве Цоттманна.

Казалось бы, Вассертрум приближается к своей цели, устранив со своего пути Перната, но – роковым образом! – тем самым он лишь приближает свою гибель: именно в тюрьме Пернат встречается с Лойзой, которому с помощью все того же напильника, затерявшегося за подкладкой пальто Перната, удается сначала совершить побег, а затем и убить Вассертрума: *„– Напильник! Напильник! – Я чувствовал, как я холодею от ужаса. – Напильник! Он исполнил свое дело!”* [1, с. 449]. С гибелью Вассертрума мотив рока в романе „Голем” получает свое завершение.

В центре повествования находятся три женских персонажа: Мириам, Ангелина и Розина. Пернат на протяжении длительного времени не может разобраться в своих чувствах к ним, – вернее, каждая из них вызывает у него разные чувства: *„Нездоровые ростки странной влюбленности не увядали в моей груди. Всю ночь напролет они мучили меня. Сперва Ангелина прижималась ко мне, потом я как будто совершенно спокойно беседовал с Мириам, и, едва расплылся этот образ, снова являлась Ангелина и целовала меня... Я вдыхал аромат ее волос, ее мягкая соболья шуба щекотала мне шею, потом соскользнула, обнажив ее плечи. Она обратилась в Розину, танцевала, полузакрыв опьяневшие глаза... во фраке... голая... Все это в каком-то полусне, походившем на явь. Сладкую, томительную мутную явь...”* [1, с. 327–328].

Мириам – классическая героиня готических романов. Она скромна, добродетельна, мечтательна... Ее окружает ореол таинственности, поскольку она воспринимается героем сквозь призму образа Гиллея, ее отца (*„Уже как дочь Гиллея, она должна была быть не такой, как другие девушки”* [1, с. 309]). *„Удивительная девушка, между прочим, эта Мириам! – рассуждает Пернат. – Я еще никогда не встречал девушек подобного типа. Красота такая особенная, что с первого взгляда ее нельзя уловить; красота, от которой немеешь, и, когда взглянешь на нее, она пробуждает необъяснимое чувство легкой робости”* [1, с. 217]. Не случайно именно Мириам – и только ей одной! – Пернат раскрывает

свою душу: „Я рассказал ей, как старому близкому другу, с которым жил всю жизнь и от которого нет никаких тайн, все, что со мной было...” [1, с. 273]. Жизнь Мириам проходит в ожидании чуда – её привлекает лишь магическая сторона действительности („...когда безжизненная материя – земля – получает душу” [1, с. 333]); к обыденной, окружающей ее действительности она равнодушна: „Я живу, как в блаженном сне...” [1, с. 276]. Пернат (как тут ни вспомнить А. Грина: „Чудеса надо делать своими руками”), несмотря на предостережение Гиллеля („Вовсе не так легко оказывать помощь...” [1, с. 282]), пытается „организовать” для Мириам ряд чудес. Каждый день вкладывая ей в хлеб дукат, Пернат надеется не только облегчить Гиллелю и Мириам их нищенское существование, но и дать Мириам возможность очередной раз пережить чудо: „Я думал о Мириам. Она чуть не упала от возбуждения, рассказывая мне, что случилось чудо – настоящее чудо: она нашла золотую монету в булке хлеба, которую булочник положил через решетку на кухонное окно...” [1, с. 308]. В конце концов Пернат осознает, что затеял чересчур опасную игру („Чистота намерений не могла служить мне извинением. Цель не оправдывает средства...”) [1, с. 309], – последствия для Мириам могут быть самыми ужасными. Исправить ситуацию ему не представляется возможным: он полагает, что спасти Мириам можно только, если дать ей новые впечатления, вывести из привычной обстановки. У него возникает мысль взять экипаж и покататься с Мириам по городу, но осуществлению этого плана мешает неожиданное появление („потерял целый мир”) Ангелины [гл. XV].

Ангелина – „антиготическая” героиня. Вопреки своему имени, она женщина земная, даже приземленная, обыденная. С ее образом также связана тайна: Пернат когда-то любил её настолько сильно, что утратил рассудок („...любовь слишком большая для моего сердца” [1, с. 180]), но атмосфера таинственности ей чужда. Ангелина – светская дама. У нее есть муж и любовник (доктор Савиоли), но это не останавливает ее. Едва избавившись от чувства страха, который внушил ей одержимый жаждой мести Вассертрум, Ангелина заводит новый роман с влюбленным в нее Пернатом. Ее жизненные приоритеты обозначаются одной фразой: „... простая близость симпатичного мужчины мне бесконечно приятнее, чем самая интересная беседа с образованной женщиной” [1, с. 354]. Ангелина буквально очаровывает Перната, – то и дело с его уст срываются фразы типа: „Опьянявшая меня близость горячего тела

*Ангелины...”; „Я не мог отвести глаз от ее полураскрытого рта...”; „Я медленно привлек ее руку к моим губам...” [1, с. 352, 355, 356]. Ангелина легкомысленна: как только Пернат оказался в тюрьме, она забывает о его существовании. В конце концов она уходит от мужа к доктору Савиоли, но Пернат к тому времени уже „прозревает” – и к нему приходит понимание, что увлечение Ангелиной – чувство поверхностное и преходящее, в отличие от того глубокого непреходящего чувства, которое он испытывает к Мириам: *„Дни и ночи я грезил о Мириам... Как растение, таинственно распускающееся и растущее, так пробуждалась во мне мало-помалу непостижимая любовь к Мириам...” [1, с. 435, 436].**

Розина воплощает плотское начало... Она всячески домогается близости с Пернатом и однажды, воспользовавшись его опьянением, добивается своего [XIV]. После чего Пернат спит „мертвым сном без сновидений”, а пробудившись, испытывает отвращение к окружающему миру (*„Куда ни глянешь – беспросветная тоска...” [1, с. 379]*) и к самому себе. Дальнейшая жизнь ему представляется бессмысленной, и у него возникает мысль о самоубийстве: *„Ах, если бы никогда не всходило больше солнце и не роняло бы в сердца своей жизнерадостной лжи!” [1, с. 380].* Месяцы, проведенные в тюрьме, излечивают его от мизантропии... В нем просыпается чувство глубокой любви к Мириам, с которой Пернат обретает не только смысл жизни, но и некогда утраченный им „целый мир” (*„Мне казалось, что я потерял целый мир...” [1, с. 351]*, – думает Пернат, покидая Мириам, чтобы отправиться на прогулку с Ангелиной). В финале романа осуществляется мечта Мириам о чуде, о Гермафродите: *„– Это тоже из области моих снов, – тихо продолжала она. – Как конечную цель я представляю себе слияние двух существ в одно – в то, что... Вы слышали о древнеегипетском культе Осириса... в то, символом чего является Гермафродит?.. То есть магическое соединение мужского и женского человеческого элемента в полубоге. Как конечная цель! Нет, не конечная цель, а начало нового пути, который вечен, не имеет конца” [1, с. 347–348].* В соответствии с готическим канонem в финале романа герои обретают счастье в идеальной любви.

Таким образом, наряду с различными аспектами, связанными с интересом Г. Майринка к оккультным наукам, алхимии, учениям буддизма и Каббалы, в организации повествования романа „Голем”

существенную роль играют элементы, отсылающие к готической традиции в литературе:

– сюжет романа „Голем” строится на основе традиционных для готической литературы мотивов тайны и ужаса;

– при организации повествования романа „Голем” широко используются такие элементы готического инварианта, как мотивы „игры”, „рока”, „рукописи”;

– в своем повествовании Г. Майринк использует готический хронотоп;

– система персонажей романа „Голем”, в свою очередь, соотносится с образами классического готического романа;

– главные герои (Пернат и Мириам) проходят через ряд испытаний, прежде чем в финале романа обрести счастье в идеальной любви;

– готический злодей (Вассертрум) воплощает абсолютное зло, – в финале он несет заслуженное (и – неотвратимое!) наказание;

– призрак (Голем), выступая в роли двойника героя, указывает на прозрачность границ между двумя мирами – реальным и инфернальным.

Думается, что при определении жанра произведения Г. Майринка не стоит использовать термин „готический роман”, – скорее, это роман мистический. Но сам факт появления такого рода произведения показывает, насколько продуктивным является готический инвариант в литературе XX века.

1. *Майринк Г.* Голем : роман / Густав Майринк. – СПб. : Терция, Кристалл, 1999. – 560 с.
2. *Каминская Ю. В.* Романы Густава Майринка 1910-х годов / Юлиана Владимировна Каминская. – СПб. : СПбГУ, 2004. – 140 с.
3. *Канарш Г. Ю.* Густав Майринк: путь к Сокровенному / Григорий Юрьевич Канарш // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 188–195.
4. *Мамонова Е. Ю.* Библейский мотив „воскресения” в романах Г. Майринка „Голем” и „Белый доминиканец” / Е. Мамонова // Библия и национальная культура : межвузовский сборник научных статей и сообщений. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2004. – С. 61–64.
5. *Теличко А. В.* Поэтологические особенности романов Г. Майринка : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03/ Теличко Анна Владиславовна. – М., 2015. – 190 с.
6. *Теличко А. В.* Сон и сновидение в романе Г. Майринка „Голем” [Электронный ресурс] / Анна Владиславовна Теличко // Материалы Международного научного форума „ЛОМОНОСОВ – 2013”. – М. :

МАКС Пресс, 2013. – Режим доступа : http://www.rssso.su/archive/Lomonosov_2013/structure_27_2295.htm.

7. Тузков С. А. Автор – герой – читатель: мотив игры в готической литературе конца XIX – начала XX вв. / Сергей Александрович Тузков // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія „Філологія”. – Одеса, 2015. – № 17. – С. 100–103.

РОМАН Г. МАЙРИНКА „ГОЛЕМ” И ГОТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Сергей Александрович Тузков
tuzkoff@mail.ru

*Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
Кафедра английской филологии*

*Николаевский национальный университет им. В. А. Сухомлинского
Ул. Никольская, 24, 54030, г. Николаев, Украина*

Аннотация. Представлен анализ романа Г. Майринка „Голем” сквозь призму готической традиции в литературе. Отмечается, что при организации повествования автор романа использует не только готический хронотоп, но и такие элементы готического инварианта, как мотивы тайны и ужаса, игры, рока, рукописи, призрака и др. Система персонажей романа „Голем”, в свою очередь, соотносится с образами классического готического романа: главные герои проходят через ряд испытаний, прежде чем в финале романа обрести счастье в идеальной любви; готический злодей воплощает абсолютное зло и несет неотвратимое наказание; призрак, выступая в роли двойника героя, указывает на прозрачность (призрачность) границ между двумя мирами – реальным и инфернальным. Анализ романа Г. Майринка „Голем” убеждает, что форма готического романа в литературе XX века сохранила свою актуальность и продуктивность.

Ключевые слова: Г. Майринк, готическая традиция, готический инвариант, система персонажей, реальное, инфернальное.

G. MEYRINK'S NOVEL “THE GOLEM” AND GOTHIC TRADITION IN LITERATURE

Sergei Tuzkov
tuzkoff@mail.ru

Chair of English Philology

*V. O. Sukhomlynsky Mykolaiv National University
24 Nikolska Street, 54030, Mykolaiv, Ukraine*

Abstract. The analysis of G. Meyrink's novel “The Golem” is represented in the article in terms of gothic tradition in literature. The advantage of this investigation is that the majority of literary scholars point out those aspects of the novel “The Golem” that are connected with G. Meyrink's interest to occult sciences, alchemy, Buddhism and Kabala learning. The value of these aspects for the authentic perception of G. Meyrink's text is beyond doubt. But at the same time the role of the elements referring to the gothic tradition in literature is not less important in the

narration organization of the novel “The Golem”. For example in narration organization the author of the novel uses not only gothic chronotope but also the elements of the gothic invariant such as mystery and horror, play-acting, fate, manuscript, phantom etc. As a result the system of the characters of the novel “The Golem” correlates in its turn with the characters of a classic gothic novel: the main characters go through some hardships before they find happiness in the ideal love at the ending of the novel; the gothic villain embodies the evil incarnate and is inevitably punished; the phantom being the character's clone shows the transience (ephemerality) of the border line between two worlds – real and infernal. The given aspect of G. Meyrink's poetics is not taken into account in numerous investigations of literary scholars. Therefore the aim of this investigation to examine the poetics of G. Meyrink's novel “The Golem” in terms of gothic tradition in literature gains particular actuality. As a result the analysis of G. Meyrink's novel “The Golem” shows how meaningful the gothic invariant in the XX th century literature is.

Key words: G. Meyrink, gothic tradition, gothic invariant, the system of characters, real, infernal.

References

1. Meyrink G. *Golem* [The Golem]. Saint Petersburg, 1999, 560 p. (in Russian).
2. Kaminskaya Y. V. *Romany Gustava Mairinka 1910-kh godov* [Gustav Meyrink's novels of 1910ss]. Saint Petersburg, 2004, 140 p. (in Russian).
3. Kanarsh G. Y. Gustav Meyrink: put' k Sokrovennomu [The Way to Internal]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2006. no. 1, pp. 188–195. (in Russian).
4. Mamonova E. Y. Bibleiskiy motiv “voskreseniya” v romanah G. Meyrinka “Golem” i “Beliy dominikanets” [The bible motif of resurrection in G. Meyrink's novels “The Golem” and “The White Dominican”]. In: *Bibliya i natsionalnaya kultura*. Perm, 2004, pp. 61–64. (in Russian).
5. Telichko A. V. *Poe'tologicheskiye osobennosti romanov G. Meyrinka* [Poetological peculiarities of G. Meyrink's novels]. PhD dissertation (Literature of Foreign Countries). Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2015, 190 p. (in Russian).
6. Telichko A. V. Son i snovideniye v romane G. Meyrinka “Golem” [Sleep and dream in G. Meyrink's novel “The Golem”]. In: *Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo foruma “LOMONOSOV 2013”*. Moscow, 2013. Available at: http://www.rssso.su/archive/Lomonosov_2013/structure_27_2295.htm (accessed 31 July 2016). (in Russian).
7. Tuzkov S. A. Avtor – geroy – chitatel': motiv igry v goticheskoy literature kontsa XIX – nachala XX veka. [Author – Character – Reader: the play motif in the gothic literature of the end of the XIX – the beginning of the XX century]. *Naukoviy Visnyk Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu: Seriya “Filologiya”*. Odesa, 2015, no. 17, pp. 100–103. (in Russian).

Suggested citation

Tuzkov S. Roman G. Mairinka “Golem” i goticheskaya traditsiya v literature [G. Meyrink's novel “The Golem” and Gothic Tradition in Literature]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2016, no. 94, pp. 141–152. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 2.08.2016 р.